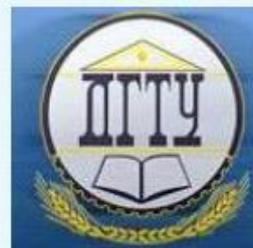


СОЦИАЛЬНАЯ И ПОЛИТИЧЕСКАЯ ФИЛОСОФИЯ



Научная статья

УДК 323.1 + 327.39

<https://doi.org/10.23947/2414-1143-2023-9-3-15-21>



Исламские ценностные ориентиры в контексте укрепления национальной идентичности в России и в мире

Ю.Д. Джабраилов

Дагестанский федеральный исследовательский центр Российской академии наук, Российская Федерация, г. Махачкала, ул. М. Гаджиева, 45

✉ y.djabrailov@yandex.ru

Аннотация

Введение. В исследовании акцентируется внимание на проблеме роста религиозной нетерпимости в современном мире, которая тормозит как развитие межгосударственных отношений, так и процесс укрепления национального самосознания граждан. Развитие исламофобских настроений в мире, особенно после известных событий сентября 2011 г., находит отражение в этноконфессиональном благополучии людей, исповедующих мусульманскую религию.

Материалы и методы. Методологическую основу исследования составили методы, выбор которых обусловлен целями, задачами и спецификой предмета исследования. Основным методологическим фундаментом выступил междисциплинарный подход, применение которого вызвано современными требованиями гуманитарной рефлексии и происходящими социально-политическими трансформациями.

Результаты исследования. Религиозные ограничения в отношении мусульман в странах, где они являются малочисленной социальной группой, ведут к их маргинализации и разобщенности между гражданами по этноконфессиональному признаку. В настоящее время, по данным социологических исследований в России, молодежь имеет низкий уровень знаний об этнокультурной специфике российских народов, а значительная доля населения до сих пор придерживается мнения о негативной роли мусульманской религии в стране.

Обсуждение и заключение. В работе указывается, что для эффективности национальной политики в России необходимо концептуальное признание евроазиатской основы государства, что повысит чувство ответственности за судьбу страны представителей всех без исключения российских этносов. Автор обращает внимание на то, что элементы этой идеи уже обозначены в политической доктрине страны, но не исключено, что власти откладывают ее официальное признание до распространения этой идеи среди населения в целом.

Ключевые слова: национальная политика, религия, этничность, ислам, хиджаб, идентичность

Для цитирования: Джабраилов Ю.Д. Исламские ценностные ориентиры в контексте укрепления национальной идентичности в России и в мире. *Научный альманах стран Причерноморья*. 2023;9(3):15–21. <https://doi.org/10.23947/2414-1143-2023-9-3-15-21>

Original article

Islamic Value Orientations in the Context of Strengthening National Identity in Russia and in the World

Yusup Dz Dzhabrailov

Regional Center for Ethnopolitical Research of Dagestan Scientific Center of RAS, 45, M. Gadzhieva Street, Makhachkala, Russian Federation

✉ y.djabrailov@yandex.ru

Abstract

Introduction. The study focuses on the problem of religious intolerance growth in the modern world which hinders both the development of interstate relations and the process of strengthening the national consciousness of citizens. The development of Islamophobic sentiments in the world especially after the well-known events of September 2011 is reflected in the ethno-confessional well-being of people professing the Muslim religion.

Materials and methods. The methodological basis of the study was a set of methods, the choice of which is determined by the goals, objectives and specifics of the subject of study. The main methodological foundation was an interdisciplinary approach, the application of which is caused by the modern requirements of humanitarian reflection and the ongoing socio-political transformations.

Results. Religious restrictions on Muslims in countries where they are a small social group lead to their marginalization and disunity between citizens on an ethno-confessional basis. At present, according to sociological studies in Russia, young people have a low level of knowledge about the ethno-cultural specifics of the Russian peoples, and a lot of people consider the role of the Muslim religion to be negative in the country.

Discussion and conclusion. The article points out that for the effectiveness of national policy in Russia, a conceptual recognition of the Eurasian basis of the state is necessary, which will increase the sense of responsibility for the fate of the country of representatives of all Russian ethnic groups without exception. The author draws attention to the fact that the elements of this idea have already been identified in the political doctrine of the country, but it is possible that the authorities are postponing its official recognition until the spread of this idea among the general population.

Keywords: national policy, religion, ethnicity, Islam, hijab, identity

For citation. Dzhabraïlov YuD. Islamic value orientations in the context of strengthening national identity in Russia and in the world. *Science Almanac of Black Sea Region Countries*. 2023;9(3):15–21. <https://doi.org/10.23947/2414-1143-2023-9-3-15-21>

Введение. Масштабы миграционных потоков населения в современном мире актуализирует вопрос регулирования этнокультурного диалога между людьми. В основе многих этнонационалистических вызовов лежит проблема этноконфессиональной идентичности. Поэтому нахождение компромисса между разными этнокультурными сообществами, преодоление различных фобий и нетерпимости к представителям иных этноконфессиональных групп, соблюдение прав граждан по принципу вероисповедания является важной составляющей внутренней политики многих стран.

Материалы и методы. Целью данного исследования является анализ современного состояния религиозных прав мусульманского населения в мире и перспективы укрепления их гражданской идентичности. В работе применена методика дискурс-анализа выступлений и заявлений политических, общественных и религиозных деятелей, контент-анализа СМИ. Наиболее ярко прослеживается взаимосвязь этничности, религиозности и общегражданской идентичности в условиях тесной межконфессиональной и межэтнической коммуникации.

Результаты исследования. На сегодняшний день остро встал вопрос о выработке государственной стратегии в области национальной и религиозной политики. В России уже выработана и утверждена Указом Президента России № 1666 от 19 декабря 2012 г. «Стратегия государственной национальной политики Российской Федерации на период до 2025 г.» [1], которая привела к продвижениям в решении вопросов межнационального взаимодействия и развития национальных культур.

Тем не менее, в кругах научной общественности России стали все чаще поднимать вопрос о разрешении противоречивой ситуации, связанной с правоприменительной практикой положений Конституции РФ и Федерального закона «О свободе совести и о религиозных объединениях». Так, в соответствии с Конституцией в государстве действует принцип отделения религиозных объединений от государства, а на практике утвердилась кооперационная модель, предполагающая сотрудничество государства с конфессиями в социально-экономической, культурной и духовно-нравственной сферах.

Как показывают результаты социологических исследований последних лет, многие страны в целях обеспечения социально-политической стабильности и прочности власти в основном прибегают к ограничениям в отношении религиозной свободы.

Так, социологи крупнейшего в мире исследовательского центра по изучению роли религий Pew Research Center (исследование охватило 198 стран) выявили, что число людей, живущих в странах с высоким уровнем религиозных ограничений и религиозной нетерпимости, достигло фактически 5,9–6 млрд человек, что составляет 78,5 % всего населения земного шара в 2017 г. Уровень этот увеличился на 1,1 млрд человек с начала исследования этой проблемы в 2009 г. Причем всплеск нетерпимости касается не только слаборазвитых стран, но и страны с ведущей экономикой мира — США. По данным того же источника, уровень религиозной вражды повысился на 3,5 порядка (2009 г. — 2,0; 2014 — 5,2; 2015 — 4,2) [2].

Примечательно, что факт увеличения уровня религиозной вражды неразрывно связан с увеличением социальной нетерпимости, вызванной ограничительными действиями государства по отношению к религии. Вследствие этого сильно страдает и развитие экономики. В странах с низким уровнем ограничений религиозной свободы, редкими проявлениями религиозной вражды выше динамика инновационной политики, экономические показатели в два раза выше, чем в странах со значительными религиозными ограничениями [3].

Европейское исследование ISPI (Институт международных политических исследований) позволило установить, что в 27 странах Европы (60 %) в 2015 г. практиковалось широкое распространенное преследование религиозных групп (в 2014 г. — 17 стран). А в 24 странах (53 %) применяли силу против религиозных групп (в 2014 г. их число составляло 15–33 %) [4].

Таким образом, исследователи ISPI приходят к выводу о том, что ограничения религиозной свободы в поликультурной среде являются контрпродуктивными в процессе создания социальной сплоченности и политического консенсуса. И на национальном, и на международном уровнях они достижимы только при усилении возможностей по защите индивидуального и коллективного права на религиозную свободу. Это принципиально важно для поликонфессиональной России, в которой действуют почти 28 тысяч религиозных организаций.

Следует отметить, что многие россияне рассматривают свое личное место в социальных взаимоотношениях — от межличностных до международных, исходя от принадлежности к своей этнической и религиозной общности.

Исследование Джонатана Фокса (в основе которой сравнение Израиля, Турции, Ирана и арабских городов Северной Африки со всем остальным миром 1994–1995 гг.), посвященное взаимосвязи дискриминации религиозных меньшинств и усиления этнического конфликта, показывает, что любое посягательство на свою веру воспринимается людьми крайне болезненно и провоцирует рост напряженности. При этом, по мнению Дж. Фокса, в конфликте фактор этноса в большинстве случаев превалирует над религиозным фактором: только в 12 из 105 кейсов, рассмотренных Фоксом, религия лежала в основе конфликта [5]. Несмотря на это, фактор религии может сыграть существенную роль в росте межэтнической напряженности, то есть религиозность может усилить противоречия между конфликтующими сторонами.

Аналогичные выводы можно встретить и в исследованиях отечественных авторов, по их мнению, в случае если этносы исповедуют разную религию, и одна религиозная структура усиливает свое влияние, другая религиозная структура (и как следствие — другой этнос) может чувствовать себя ущемленной, что в свою очередь может привести к росту этнической напряженности [6, с. 123].

Особую важность вопрос этноконфессиональной идентичности приобретает в период возгорания социальных конфликтов и противоречий. При этом основой для межэтнической напряженности могут служить мнимые или реальные опасения представителей малочисленных народов и мигрантов в ущемлении их языковой, этнической и религиозной идентичностей.

По нашему мнению, среди основных проблем социальной адаптации и интеграции людей разных культурно-религиозных кодов можно выделить экономическую асимметрию, вынуждающую население к стихийной миграции из депрессивных регионов страны в «богатые», деформируя жизненное пространство и целостность федеративного государства и низкий уровень знаний об особенностях других религий и культур (нравственных ценностей, норм поведения, объектов поклонения и т. д.), приводящих подчас к трудностям в установлении взаимоуважительных отношений.

Следовательно, укрепление гражданской идентичности населения, в отличие от этнической идентичности, которая формируется в процессе социализации и носит аскриптивный, примордиальный характер [7, с. 70], требует целенаправленную деятельность государства по экономическому выравниванию регионов России и/или дальнейшее усиления работы в направлении расширения знаний у населения об этнической культуре российских народов, развития межрелигиозного диалога, обеспечения реального конфессионального равноправия и т. д.

Действительность свидетельствует о наличии серьезных проблем как со стороны групп населения, мигрирующих в иную культурную среду, так и со стороны принимающего сообщества. Недостаточное знание особенностей других религий и культур подчас становится причиной разобщения наций, тенденций к замыканию и обособлению людей по этнорелигиозному признаку. Наглядное тому свидетельство скандальные карикатуры на пророка Мухаммада, напечатанные в журналах ряда европейских стран и вызвавшие протестные движения во многих мусульманских странах.

Если в случае социально-экономического неравенства иммигрантов (как и жителей отечественных депрессивных регионов) несправедливость может быть преодолена, как уже говорилось, на путях социальной адаптации и интеграции, то простая, так сказать, механическая интеграция разных религий, культур, ценностей (унификация, обезличивающая народы) представляется бесперспективным явлением.

Людям свойственно жить вместе и выстраивать взаимоотношения, но исламофобия ведет к разрозненности. Выступая с трибуны ООН в 2019 г., премьер-министр Пакистана уделил особое внимание проблеме роста исламофобии в мире, особенно в странах Европы и в США. Основной посыл его выступления был направлен на просвещение населения Западных стран о специфике отношения мусульман к своей религии, без которого им крайне сложно адекватно оценивать реакцию на «карикатуры» и, наоборот, легко воспринимать представления об исламе как о нетерпимой религии, отвергающей свободу слова. Он отметил, что согласно исламу, у каждого

есть право исповедовать свою религию, места поклонения находятся под защитой, каждый несет равную ответственность перед законом независимо от его религии и цвета кожи. Пророк Мухаммад является идеалом для мусульман, на которого они стараются равняться, он живет в сердцах мусульман, и когда над ним насмеются это доставляет боль. И поэтому такова реакция мусульман (на карикатуры на пророка). Следовательно, крайне важно быть чувствительными к тому, что может вызвать боль у других членов общества.

В то же время он возложил ответственность на группу людей на Западе, которые провоцируют такие настроения, заранее зная о последствиях своих действий. «К сожалению, некоторые лидеры западных стран приравнивали ислам с терроризмом и радикализмом. Все это болезненно воспринимается мусульманами. Мы, граждане мусульманских стран, сталкиваемся с исламофобией в зарубежных поездках и путешествиях. В европейских странах это ведет к маргинализации мусульманских общин, а нам хорошо известно, что маргинализация ведет к радикализации... Ведь во всех общинах есть радикалы и умеренные сторонники, это свойственно всем общинам. Однако сам ислам не может быть радикальным также, как иудаизм, христианство и индуизм. Ни одна религия не проповедует радикализм, основой всех религий является миролюбие и справедливость» [8].

Президент Турции, как политический лидер крупной мусульманской страны, также отмечает, что правительства государств Евросоюза не предпринимают конкретных шагов для борьбы с исламофобией. «Посягательство на Коран — это преступление на почве религиозной ненависти. Сожжение Корана никак не может быть разрешено в рамках свободы самовыражения», — подчеркнул он [9, с. 3].

Наличие проблемы притеснения мусульманских общин в мире признал Генеральный секретарь ООН: «Почти 2 миллиарда мусульман планеты отражают человечность во всем ее великолепном многообразии. Но зачастую они сталкиваются с предвзятостью и предрассудками по единственной причине — из-за своего вероисповедания. Растущая ненависть к мусульманам не изолированное явление, это часть подъема этнонационализма, неонацистских идеологий превосходства белой расы и насилия в отношении уязвимых сообществ» [10, с. 1].

Согласно результатам исследования одной из общественных организаций Австралии, в глобальном масштабе львиная доля исламофобского контента в социальных сетях происходит всего из трех стран. 86 % антиисламского контента в соцсетях генерируют пользователи из США, Великобритании и Индии [11, с. 1].

Мусульманки, одевающие хиджаб, стали рассматриваться в западном обществе как угроза жизни, привычным ценностям и, наконец, национальной идентичности. Поэтому главные события в государственно-конфессиональной сфере разворачиваются вокруг «хиджаба».

Эксперимент ученых из нидерландского Утрехтского института из Оксфорда и из немецкого Центра изучения интеграции и миграции показал, что женщины в хиджабах сталкиваются с дискриминацией во Франции, в Нидерландах и в Германии [12].

Надо заметить, конфликтные ситуации по поводу хиджаба также имеют место в современной России. В республиках Северного Кавказа «проблема платков» к настоящему времени сошла на нет. Ранее запреты хиджаба в общеобразовательных учреждениях Дагестана и Ингушетии становились источником острого социального дискурса. Можно сказать, принятие Парламентом Чечни поправки в местный закон, разрешающий учащимся республики носить одежду или символику в соответствии с их народными традициями и вероисповеданием [13], стало ответной реакцией на публичные споры.

Тем не менее, в целом по стране периодически в информационном поле поднимается резонансная дискуссия вокруг темы запретов хиджаба, строительства мечети, священных мусульманских письменных источников. Хотя в последние годы прослеживается тенденция на снижение количества таких обсуждений.

Согласно данным Фонда «Общественное мнение» (ФОМ), наблюдается положительная динамика восприятия ислама в российском обществе. На вопрос: «А сегодня ислам, по Вашему мнению, играет в России положительную или отрицательную роль?» получены следующие результаты: в 2012 г. о положительной роли ислама заявили 13 % опрошенных, а в 2014 г. вариант о положительной роли на аналогичный вопрос выбрали практически вдвое больше респондентов. Мнения о роли ислама в мире поляризованы сильнее.

Вместе с тем, по данным ФОМ, в России сохраняется довольно высокий уровень недоверия к мусульманскому вероисповеданию (около трети опрошенных отметили, что эта религия играет негативную роль в России) [14]. Неопределенность общегражданской идентичности во многом происходит отнюдь не только из ее «молодости» и незрелости, но и из самих современных реалий экономической и социальной действительности [15, с. 147].

Поэтому, к сожалению, возможны попытки расшатать внутрисоссийское единство по признаку этноконфессиональной принадлежности. Используя объективные факторы неблагоприятной экономической и межнациональной обстановки последних лет в России, Запад пытается информационно подготовить представителей традиционных российских конфессий к мысли о невозможности их совместного в рамках одного государства существования. Делается это по определенному сценарию и хорошо проработанными на других регионах методами [16, с. 200].

Обсуждение и заключение. Что касается формирования единой социокультурной идентичности россиян, эта проблема приобрела особенную актуальность на фоне определенной социальной разобщенности российского народа и усиления внешних угроз. В принципе речь идет о решении в прикладной политике задачи внедрения в массовое сознание населения страны объединяющих идеологем и убеждения их в том, что они идентичны друг другу. Сложность реализации поставленных целей упирается в отсутствие официально оформленной национальной доктрины, апеллирующей к историческому фундаменту: «Мы великая евроазиатская страна». Почему это до сих пор не сформулировано? Потому что технократическая часть элиты боится этих слов, а другая часть сопротивляется этому, потому что боится русского (этнического) национализма, который губителен для нас, потому что мы «многонациональный народ».

Хотя в общегосударственном понимании «русскости» и татары, и башкиры, и чеченцы тоже русские. Нужно признать, в государственной политической доктрине большинство ее элементов уже присутствует даже если официально и не сформулирована в виде манифеста. Скорее всего, в ближайшем будущем, когда мысль о «нации этнокультурного многообразия» для подавляющего большинства россиян станет естественной, а не искусственной, можно ожидать документального оформления данной идеологии.

Но пока существует возможность для противоречивого толкования законодательных положений в области свободы совести и вероисповедания нередки случаи конфликтных ситуаций, связанных противопоставлением религиозных и секулярных ценностных ориентиров.

К примеру, в стране фиксируются случаи отчисления студенток из образовательных учреждений за ношение платков как за деяние, несоответствующее правилам внутреннего распорядка и учебной дисциплины. В этом случае вовсе игнорируется аргументация о предписании в исламе обязательного покрытия головы мусульманкой и об отсутствии прямого подпадания ношения платка под какой-либо запретный пункт устава организации, осуществляющей образовательную деятельность (как правило, в уставе запрещается ношение вещей, пропагандирующих войну, насилие, фашистскую идеологию и другие символы, противоречащие Конституции РФ).

Следует отметить, что факты запрета платков в учебных заведениях, затрагивающие права и интересы большого числа мусульман, создают напряженность в российском обществе. Неслучайно этот вопрос был поднят на уровне Государственной Думы и Минобрнауки РФ. Депутат «Единой России» от Дагестана публично обратился к главе образовательного ведомства России. «Что у нас стране важнее — мнение директора или Конституция? Мусульмане такие же граждане России, поэтому разберитесь, поставьте точку в этом вопросе» [17], — сказал он.

Правовая и общественная (если хотите политическая) составляющие проблемы платков в учебных заведениях сегодня оказались тесно взаимосвязаны. От их решения будет зависеть не только торжество законности, но и практическое воплощение в жизнь многочисленных деклараций о национальном и конфессиональном единстве в России [18, с. 2].

Для Российской Федерации вопросы межнациональных отношений в стране чрезвычайно важны, особенно с учетом современных попыток геополитических конкурентов раскачать внутривнутриполитическую ситуацию в стране. Нужно признать, в последнее время власти начали довольно быстро реагировать на инциденты, которые могут спровоцировать рост межнациональной напряженности в России. Своевременные и тщательно взвешенные решения местных властей ведут к снижению негативного информационного фона вокруг них и препятствуют дальнейшей эскалации конфликтных ситуаций.

Список литературы

1. *Стратегия государственной национальной политики в Российской Федерации на период до 2025 г.* URL: http://static.kremlin.ru/media/acts/files/0001201_212190001.pdf, свободный (дата обращения: 11.05.2023).
2. *Global Restrictions on Religion Rise Modestly in 2015, Reversing Downward Trend.* URL: <https://www.pewresearch.org/religion/2017/04/11/global-restrictions-on-religion-rise-modestly-in-2015-reversing-downward-trend/> (Accessed 11 April 2023).
3. Grim B.J. Greg C., Snyder R.E. Is Religious Freedom Good for Business?: A Conceptual and Empirical Analysis. *Interdisciplinary Journal of Research on Religion*. 2014;10. Mode of access: <https://www.religjournal.com/articles/2014.php> (Accessed 11 May 2023).
4. *Promoting Religious Freedom and Peace through Cross-Cultural Dialogue based on the International Workshop with academia, think tank and media representatives held on 11 February 2013 at the Italian Ministry of Foreign Affairs, Rome authored by Silvio Ferrari and Fabio Petito.* Mode of access: <https://core.ac.uk/download/pdf/19568818> (Accessed 10 April 2023).
5. Fox J. The ethnic-religious nexus: The impact of religion on ethnic conflict. *Civil Wars*. 2000;3(3):1–22.
6. *Социальные факторы межэтнической напряженности в России: монография.* Отв. ред. Ю.Б. Епихина, М.Ф. Черныш. Москва: ФНИСЦ РАН; 2017. 336 с.

7. Куква Е.С. Тенденция идентификационных процессов молодежи Северного Кавказа и перспективы национальной консолидации. *Власть*. 2014;4:68–72.
8. Исламофобия — Имран Хан / Выступление премьер-министра Пакистана в ООН 2019. URL: https://www.youtube2019.com/results?search_query=, свободный (дата обращения: 30.05.2023).
9. Нет исламофобии. *Нур-ул ислам*. 2023; 6 (июнь).
10. Всемирная исламофобия. *Нур-ул ислам*. 2023;4 (апрель).
11. Где больше всего исламофобов. *Нур-ул ислам*. 2022;10 (октябрь).
12. ООН: запрет мусульманских платков во Франции нарушает права человека. URL: <https://www.trrussian.com/novosti/oon-zapret-musulmanskih-platkov-vo-francii-narushaet-prava-cheloveka-9757345>, свободный (дата обращения: 01.06.2023).
13. Афонина Е. Парламент Чечни разрешил школьницам республики носить хиджаб. URL: <https://tass.ru/obschestvo/4141886>, свободный (дата обращения: 08.06.2023).
14. Ислам — «соседняя дружественная религия». Что думают россияне о роли ислама в нашей стране и в мире? URL: <https://fom.ru/posts/12121>, свободный (дата обращения: 01.06.2023).
15. Перегудов С.П. Национально-государственная идентичность и проблемы консолидации российского государства. *Полис*. 2011;3:141–163.
16. Магомедова М.А. Религиозный экстремизм и терроризм на Северном Кавказе в контексте проблем информационной безопасности. Махачкала: Алеф; 2021. 250 с.
17. Разрешить платки в школе! И точка! URL: https://www.youtube.com/watch?v=Fdu1_bmuMR8, свободный (дата обращения: 06.06.2023).
18. Магомедов М. Атака на платки. *Нур-ул ислам*. 2023;2 (февраль).

References

1. *Strategiya gosudarstvennoy natsionanoy politiki v Rossiyskoy Federatsii na period do 2025 g.* = State National Policy Strategy in the Russian Federation until 2025. Available from: <http://static.kremlin.ru/media/acts/files/0001201212190001.pdf> (Accessed 11 May 2023).
2. *Global Restrictions on Religion Rise Modestly in 2015, Reversing Downward Trend*. Available from: <https://www.pewresearch.org/religion/2017/04/11/global-restrictions-on-religion-rise-modestly-in-2015-reversing-downward-trend/> (Accessed 11 April 2023).
3. Grim BJ, Greg C, Snyder RE. Is Religious Freedom Good for Business?: A Conceptual and Empirical Analysis. *Interdisciplinary Journal of Research on Religion*. 2014;10. Available from: <https://www.religjournal.com/articles/2014.php> (Accessed 11 May 2023).
4. *Promoting Religious Freedom and Peace through Cross-Cultural Dialogue based on the International Workshop with academia, think tank and media representatives held on 11 February 2013 at the Italian Ministry of Foreign Affairs, Rome authored by Silvio Ferrari and Fabio Petito*. Available from: <https://core.ac.uk/download/pdf/19568818> (Accessed 10 April 2023).
5. Fox J. The ethnic-religious nexus: The impact of religion on ethnic conflict. *Civil Wars*. 2000;3(3):1–22.
6. *Sotsialnyye faktory mezhetnicheskoy napryazhennosti v Rossii: monografiya = Social factors of interethnic tension in Russia: monograph*. Main editor YB Epikhina, MF Chernysh. Moscow: FCTAS RAS; 2017. 336 p. (In Russ.).
7. Tendentsiya identifikatsionnykh protsessov molodezhi Severnogo Kavkaza i perspektivy natsionalnoy konsolidatsii = Kukva ES. The tendency of the identification processes of the youth of the North Caucasus and the prospects for national consolidation. *Power*. 2014;4:68–72. (In Russ.).
8. *Islamofobiya — Imran Khan / Vystupleniye premyer ministra Pakistana v OON 2019 = Islamophobia — Imran Khan. UN Speech by the Prime Minister of Pakistan 2019*. Available from: https://www.youtube2019.com/results?search_query (Accessed 30 May 2023).
9. Net islamofobii = No to Islamophobia. *Nur-ul Islam*. 2023; 6 (June). p. 3. (In Russ.).
10. Vsemirnaya islamofobiya = Worldwide Islamophobia. *Nur-ul Islam*. 2023; 4 (April). p. 1. (In Russ.).
11. Gde bolshe vsego islamofobov = Where there most of Islamophobes. *Nur-ul Islam*. 2022; 10 (October). p. 1. (In Russ.).
12. *OON: zapret musulmanskih platkov vo Frantsii narushayet prava cheloveka = UN: Banning Muslim headscarves in France violates human rights*. Available from: <https://www.trrussian.com/novosti/oon-zapret-musulmanskih-platkov-vo-francii-narushaet-prava-cheloveka-9757345> (Accessed 1 June 2023).
13. Afonina Ye. *Parlament Chechni razreshil shkolnitsam respubliki nosit khidzhab = The Chechen parliament allowed schoolgirls of the republic to wear the hijab*. Available from: <https://tass.ru/obschestvo/4141886> (Accessed 8 June 2023).
14. *Islam — “соседняя дружественная религия”*. *Chto dumayut rossiyane o roli islama v nashey strane i v mire?*

= *Islam is a “neighboring friendly religion”*. *What do Russians think about the role of Islam in our country and in the world?* Available from: <https://fom.ru/posts/12121> (Accessed 1 June 2023).

15. Peregudov SP. Natsionalno-gosudarstvennaya identichnost i problemy konsolidatsii rossiyskogo gosudarstva = National-state identity and problems of Consolidation of the Russian State. *Polis*. 2011;3:141–163. (In Russ.).

16. Magomedova MA. *Religioznyy ekstremizm i terrorism na Severnom Kavkaze v kontekste problem informatsionnoy bezopasnosti* = *Religious extremism and terrorism in the North Caucasus in the context of information security problems*. Makhachkala: Aleph; 2021. 250 p. (In Russ.).

17. *Razreshit platki v shkole! I tochka! = Allow headscarves at school! And that's it!* Available from: https://www.youtube.com/watch?v=Fdu1_bmuMR8 (Accessed 6 June 2023).

18. Magomedov M. Ataka na platki = Attack on scarves. *Nur-ul Islam*. 2023;2 (February). p. 2. (In Russ.).

Об авторе:

Джабраилов Юсуп Джабраилович, кандидат политических наук, Региональный центр этнополитических исследований Дагестанского федерального исследовательского центра Российской академии наук (РФ, 367025, г. Махачкала, ул. М. Гаджиева, 45), [ORCID](#), y.djabrailov@yandex.ru

Поступила в редакцию 18.06.2023

Поступила после рецензирования 10.07.2023

Принята к публикации 15.07.2023

Конфликт интересов

автор заявляет об отсутствии конфликта интересов.

Автор прочитал и одобрил окончательный вариант рукописи.

About the Author:

Dzhabrailov Yusup Dzhabrailovich, PhD in Political Science, Regional Center for Ethnopolitical Research of Dagestan Scientific Center of RAS (45, M. Gadzhieva Street, Makhachkala, RF, 367025), [ORCID](#), y.djabrailov@yandex.ru

Received 18.06.2023

Revised 10.07.2023

Accepted 15.07.2023

Conflict of interest statement

The author does not have any conflict of interest.

The author has read and approved the final manuscript.